

ЗЫКОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

*Старший преподаватель
Новосибирского национального исследовательского университета,
научный сотрудник
Института философии и права Сибирского отделения РАН
Zykovsv@yandex.ru*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС КАК ФОРМА ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В цивилистической литературе широко обсуждается вопрос субъектности прав в отношении искусственного интеллекта (ИИ). Дискуссионность имеет объективные основания: на разных этапах и в разных ситуациях вклад различных результатов, полученные с использованием ИИ могут существенно различаться. Поэтому предлагается его рассматривать как интеллектуальный комплекс по аналогии с имущественными комплексами применительно к вещам, предусматривая возможность обременения правами третьих лиц при отчуждении (с использованием правового механизма уведомления кредиторов, подобного применяемого к предприятию).

Сами договорные формы передачи прав на ИИ, хотя и обладают некоторым сходством с договорами по распоряжению исключительными правами, нетождественны последним, поскольку ИИ, в отличие от объектов интеллектуальных прав способен в развитии, изменению и самостоятельному функционированию.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальный комплекс, экономический оборот, объект прав, нейросеть, договор об отчуждении исключительного права, лицензионный договор.

ZYKOV SERGEY VIKTOROVICH

*Researcher,
Institute of philosophy and law Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences,
Senior tutor,
Novosibirsk national research state University*

INTELLECTUAL COMPLEX AS A FORM OF CIVIL TURNOVER OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. The issue of subjectivity of rights in relation to artificial intelligence (AI) is widely discussed in civilistic literature. The debatability has objective grounds: at different stages and in different situations, the contribution of various and the results obtained using AI may differ significantly. Therefore, it is proposed to consider it as an intellectual complex by analogy with property complexes in relation to things, providing for the possibility of encumbrance with the rights of third parties in the event of alienation (using the legal mechanism for notifying creditors, similar to that applied to an enterprise).

The contractual forms of transfer of rights to AI themselves, although they have some similarities with contracts for the disposal of exclusive rights, are not identical to the latter, since AI, unlike objects of intellectual property rights, is capable of development, change and independent functioning.

Key words: artificial intelligence, intellectual complex, economic turnover, object of rights, neural network, agreement on alienation of exclusive rights, license agreement.

Значительная часть цивилистических публикаций, посвящённых искусственному интеллекту, рассматривает проблему субъектности. Даже отбрасывая очень спорные сформулированные варианты, в частности, режим «служебного» результата интеллектуальной деятельности (очевидно, что эта модель исходит из того, что работник является автором, а собственно с последним и необходимо определиться); нереальным, в рамках существующей цивилизационной парадигмы, является предложение сделать субъектом права сам ИИ. Редко встречающееся в нашей доктрине предложение наделить правами авторов произведений на основе которых объекту был сгенерирован нейросетями во Франции обрело свой законопроект (№ 1630 от 12.09.2023¹). Однако, вот уже год спустя, данных о соответствующих изменениях в Кодексе интеллектуальной собственности

¹ URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/textes/l16b1630_proposition-loi#D_Article_1er (дата обращения: 17.10.2024).

нет и это неудивительно: за редкими исключениями («фотожабы» и «дипфейки», создаваемые на основе единичного объекта) выявить исходные произведения в том, что сгенерировано нейросетями не представляется возможным.

Но даже с этими оговорками, остаётся достаточное количество кандидатов в правообладатели. Как минимум, это разработчик соответствующей программы для ЭВМ; лицо, осуществившее её обучение; инвестор — тот кто профинансировал и организовал формирование ИИ; его пользователь.

Если говорить об общих тенденциях, то пожалуй большинство исследователей склоняется к первому из указанных решений (наделения правосубъектностью разработчиков программного обеспечения). Но на примере таких проявлений ИИ как нейросети мы видим, что на разных этапах, применительно к разным видам деятельности и даже говоря о конкретных объектах, вклад указанных лиц в результат, получаемый с помощью ИИ может быть различен. Так, справедливо указывается, что в определённых случаях, решающим для создания объекта ИИ может быть пользовательский запрос¹. Соответственно не всегда наделение субъектностью программистов, разработавших нейросеть будет справедливым. В ч. 2 ст. 33 Закона Украины от 01.12.2022 г. № 2811-IX «Об авторском праве и смежных правах» (ред. от 20.03.2023)² предусмотрено, что субъектами прав на сгенерированные результаты могут быть разработчики компьютерной программы, их наследники, правопреемники, правомерные пользователи; эти право могут определяться договором.

Поэтому неудивительно, что некоторые авторы предлагают некий непредрешиенческий, «мультимодальный»³ подход, отказываясь от финализации решения проблемы субъекта. Однако очевидно, что он не может быть законодательно закреплён, поскольку создал бы правовую неопределённость в базовом вопросе правовой охраны.

Необходимо определиться, во-первых, с субъектом первоначальных прав на результаты, полученные с использованием ИИ (предполагая возможность их передачи). Во-вторых, с субъектом деликтной ответственности в случае причинения вреда в результате осуществления ИИ своих функций. Вред может быть причинён, например, нарушением интеллектуальных прав, личных неимущественных прав; возможно также причинения имущественного вреда (в частности, при осуществлении деятельности, представляющей повышенную опасность).

Поскольку, как уже было сказано, на результаты функционирования ИИ влияет деятельность разных лиц, физических и юридических, соответственно есть основания обременять его их правами. Данные обременения могут возникать на разных этапах существования ИИ и носить разнородный характер. Но они должны учитываться при передачи абсолютных прав на ИИ, если мы рассматриваем, по меньшей мере, в перспективе возможность оборотоспособности данного объекта (в противном случае не будет мотивов инвестирования в данную сферу, а значит не будет её развития).

В отношении объектов права собственности подобные функции в экономическом обороте выполняют имущественные комплексы. По аналогии с ними для ИИ, следует сформировать аналогичное понятие «интеллектуального комплекса», которое также охватывало бы всю совокупность прав и обязанностей. Применительно к последним нужно установить порядок взаимодействия с кредиторами при отчуждении объекта, аналогичный предусмотренному для предприятия — классического имущественного комплекса в ст. 562 ГК РФ. В отличие от последней ситуации, количество лиц, чьи права обременяют ИИ не может большим, следовательно их уведомление не будет связано с существенными издержками.

Разумеется, сказанное не относится к дискретному, разовому предоставлению доступа к использованию ИИ. Подобные договоры (с точки зрения действующего законодательства возможна их квалификация или как непоименованных, или как договоров возмездного оказания информа-

¹ Артемова А. Н. Авторское право в эпоху нейросетей // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2024. № 3. С. 52-53.

² <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22385> (дата обращения: 17.10.2024).

³ Морхат П. М. Право на результаты интеллектуальной деятельности, произведённые юнитом искусственного интеллекта: гражданско-правовые проблемы // Право и государство. 2018. № 1-2 (78-79). С. 212.

ционных услуг) на практике заключаются уже в настоящее время. Отмечается наличие соглашений с пользователя, по которому последние оплачивают доступ к нейросети¹. Существует практика, когда дизайнеры возмездно приобретают право на определённое количество сгенерированных нейросетями изображений, которые используют в своей работе. Очевидно, что такой договор также требует определения в правовом поле. Но вопрос состоит в том, кто будет субъектом ответственности, например, при заявлении пользователем регрессных требований или претензий, связанных с несоответствующим заявленным параметрам результатов фабрикации. Очевидна необходимость определиться с субъектностью абсолютных прав на ИИ.

Выше приводилась аналогия с договором, объектом которого являлась хотя и очень специфическая, но вещь — предприятие как имущественный комплекс (п. 1 ст. 132 ГК РФ). В то же время нематериальный характер ИИ сближает его с другими нематериальными — объектами интеллектуальных прав. Очевидно сходство в регулировании договорных отношений должно быть просто неизбежно.

Как известно, для результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации выделяется, с одной стороны, договор об отчуждении исключительного права (ст. 1234 ГК РФ), с другой — лицензионный договор (ст. 1235 ГК РФ). В свою очередь, лицензии могут быть исключительные и простые (п. 1 ст. 1236 ГК РФ).

Очевидно, что простой лицензии отчасти соответствует вышеуказанные отношения по предоставлению доступа к ИИ требующие в перспективе легального закрепления.

Но не меньше требуют своего правового оформления отношения по передаче ИИ. В этом контексте следует выделить передачу бесповоротную всех прав на ИИ и результаты, полученные с помощью (аналог отчуждения исключительного права, отчасти исключительной лицензии). Е.Б. Подузова предлагает прямо применять договор об отчуждении исключительного права к ИИ «когда его разработчик (организатор создания) не заинтересован в продвижении данного объекта на рынке либо не обладает для этого определёнными ресурсами»² (хотя идею автора о нотариальном удостоверении таких сделок³ сложно разделить, поскольку это явно усложнит оборот).

С другой стороны, следует выделить передачу, при которой новый правообладатель будет обладать правами на объекты, полученные с использованием ИИ, будет вправе его развивать дальше и обременять новые правами, нести полную и безусловную ответственность за ИИ деятельность, при одновременном сохранении все права на «исходную» форму ИИ и его независимые трансформации за первоначальным их субъектом. В этом случае у правообладателя будут признаки «исключительности» прав на ИИ, в то же время в других направлениях исходный ИИ может развивать другой правообладатель с тем же признаком «исключительности».

Как мы видим аналогии с договорами о распоряжении исключительным правом являются здесь неполными. При общности, заключающейся в нематериальном (идеальном) характере есть существенные различия. Во-первых, результаты интеллектуальной деятельности как правило используются в том виде, в котором они уже существуют. Исключения существуют (например право на переработку применительно к произведениям — подп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ), но как любые исключения, они не определяют общую модель. Что же касается ИИ, то он способен к развитию и саморазвитию. Отсюда возможность нескольких «параллельных» прав, которые можно характеризовать как «исключительные» на нетождественные объекты, имеющие в своей основе тот же самый ИИ. Второе важное отличие использование ИИ несопоставимо чаще может привести к причинению вреда третьим лицам, что, очевидно, требует чёткого обозначения субъекта возможной ответственности.

¹ Гаврилов Е. В. Об авторском праве на произведения, созданные при помощи искусственного интеллекта с использованием нейросети // Новеллы права, образования, экономики и управления 2023. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Гатчина, 2024. С. 59.

² Подузова Е. Б. Договор об отчуждении исключительного права на «искусственный интеллект» или технологию «искусственного интеллекта: нотариальные и цивилистические аспекты // Нотариальный вестник. 2022. № 6. С. 53.

³ Подузова Е. Б. Цит.соч. С.52, 63.

В литературе высказывалось мнение о необходимости внесения «интеллектуальных устройств» в перечень ст. 1225 ГК РФ¹. Программы для ЭВМ в нём присутствуют исходно. Но специфика использования ИИ отличается от использования объектов интеллектуальных прав.

Таким образом, договорные отношения, связанные с использованием ИИ требует регулирования *sui generis*, хотя и допускается использование правовых конструкции уже существующих в позитивном законодательстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, В. К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта / В. К. Андреев // Журнал российского права. — 2020. — № 3. — С. 58-68.
2. Артемова, А. Н. Авторское право в эпоху нейросетей / А. Н. Артемова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2024. — № 3. — С. 47-53.
3. Гаврилов, Е. В. Об авторском праве на произведения, созданные при помощи искусственного интеллекта с использованием нейросети / Е. В. Гаврилов // Новеллы права, образования, экономики и управления 2023. Материалы IX Международной научно-практической конференции. — Гатчина, 2024. — С. 57-60.
4. Морхат, П. М. Право на результаты интеллектуальной деятельности, произведённые юнитом искусственного интеллекта: гражданско-правовые проблемы / П. М. Морхат // Право и государство. — 2018. — № 1-2 (78-79). — С. 204-215.
5. Подузова, Е. Б. Договор об отчуждении исключительного права на «искусственный интеллект» или технологию «искусственного интеллекта: нотариальные и цивилистические аспекты / Е. Б. Подузова // Нотариальный вестник. 2022. — № 6. — С. 51-64.

¹ Андреев В. К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 60.